

2017
ГОД ЭКОЛОГИИ
В РОССИИ

КРАЙ МОЙ НА ВОЛГЕ

Экология Волги – экология души

Иван ВАСИЛЬЦОВ (Пырков Иван Владимирович) родился в 1972 году в Ульяновске. В 1995 году окончил Саратовский педагогический институт. Кандидат филологических наук. Автор книг «Дубовый меч», «Ищите мир». Лауреат международной премии «Золотое перо России». Член Союза писателей России, член Союза журналистов России.

Живет в Саратове.

Предлагаем вниманию читателей лирические воспоминания *Ивана Васильцова* о том, какой была Волга близ Саратова несколько десятилетий назад.

БЕКЛЕМИШЕВСКИЙ ОСТРОВ

Мы даже и не заметили, как великая некогда культура волжского берега стала частью уходящей, а во многом ушедшей уже безвозвратно природы. Все реже бегают по речной глади водные трамвайчики, все тише и одиночнее доживают свой век дома на воде – дебаркадеры, все небывалее кажутся увиденные на картинах или в старых кинофильмах колесные пароходы с их шумно плещущими веселыми плицами. Плицы, кубас, гремок, шварт, крига, чакан, увалы, продолы, отудобеть... Эти замечательные, красивые, природные слова, как и целый пласт берегового волжского языка, становятся для нас, детей Волги, точно бы иностранными. И потому все дороже воспоминания о том, каким был любимый волжский уголок четверть, а то и треть века назад.

БАРЖА

Впервые на Зеленый остров – а речь пойдет, конечно же, о нем – мы с отцом (писателем Владимиром Пырковым) приплыли на огромной пассажирской барже. Было это в сентябре 1979 года, года, отмеченного в хрониках волжской жизни небывало большим половодьем и небывало же большой убылью воды по осени. Поначалу я даже не поверил, что такая огромная, неповоротливая посудина поплывет по Волге. Людей, помню, собралось на барже видимо-невидимо. Вообще водный транспорт работал в ту пору бесперебойно: на тот же Зеленый или на Сазанку баржи и «омики» ходили через каждый час, и люди с удовольствием отправлялись на волжские прогулки целыми семьями. Вот и в тот денек скамеек не хватало для всех и многие просто размещались на брусчатом настиле. Я заметил, что кое-где между досками прорастают зеленые травинки. Видно, «старушка» бороздила реку не один десяток лет.

Но вот торжественно и басовито возвестил о скором отплытии гудок, были отданы швартовы, и баржа, вволю потеревшись громадным боком о причал, как бы нехотя начала свое движение. Отец, человек наблюдательнейший и всегда учивший меня присматриваться к деталям, кивнул головой в сторону капитанского мостика – смотри, мол. Там, на возвышении, за штурвалом стоял очень полный человек, гордо, но уважительно глядя на воду. Это на пассажиров, скорее, он смотрел чуть свысока, с законной, так сказать, гордостью. Одет он был в просторную тельняшку. Колоритный был на нашей барже капитан, что и говорить. Он, бывало, и обедал, не отлучаясь со своего капитанского места во время недолгих стоянок, он словно бы сросся с баржой, и сам, кажется, внешне походил на нее.

Когда мы очутились на фарватере, неповоротливое у берега судно наше как-то вдруг разогналось, половчело, попав, что называется, в родную стихию, и довольно-таки лихо принялось лавировать между выкорившимися в русло реки лодками бесстрашных лещатников. Ох, и много же их стояло тогда на фарватере: резиновых лодочнок, углых плоскодонок, основательных казанок! Капитан только и делал, что давал короткие, сердитые гудки. Но все шло своим чередом, Волга жила своей привычной, размеренной жизнью. И ритму этого голубого пульсара следовала жизнь береговая. То тут то там дымились рыбацкие костерки, босоногие мальчишки бежали куда-то по песчаной косе, лучистые солнышки поднимались над деревянными крышами. Чем-то обжитым, обихоженным, уютным веяло даже от обрывистого правого берега. Чувствовалась в этом неторопливом течении жизни некая постоянная величина. А может быть, чувство устойчивости передавалось пассажирам самой баржой? Может, баржа и была величиной постоянной?

Пару лет спустя, когда я уже знал «в лицо» чуть ли не каждую выбоинку деревянной палубы, поскольку мы с отцом принялись при любой возможности рыбачить на Зеленом, довелось мне стать свидетелем любопытного эпизода из жизни старой баржи. Представьте: теплый августовский вечер. Начинает смеркаться. Бакены умиротворенно перемигиваются зелеными и красными огоньками. Ветер, шумевший днем, стихает и опадает, позволяя воде стать зеркаль-

но-тихой. И по этой стихшей, заснувшей почти реке, рассекая воду широким носом, движется наша старая знакомая. Люди, с цветами в руках, загоревшие и обветрившиеся за просторный августовский день, тоже чуть стихли – кто задумчиво смотрит на воду, кто неторопко беседует о чем-то с напарником по рыбалке, кто просто лежит на палубе и смотрит на первые загорающиеся звезды. И вдруг, словно бы из самой тишины, рождается перебор гармонии и льется песня:

Настанет день красы моей,

Увижу белый свет.

Кругом вода и небеса...

Старинная песня волжских рыбаков, отправляющихся на промысел к морю, потрясла меня тогда до глубины души. И что бы потом ни случилось в моей жизни, будь то радости или горести, я всегда помнил этот голос, будто бы голос самой реки, эхом доносящийся до меня сквозь время. Что случилось теперь с тем гармонистом, кто сможет сегодня подхватить эту песню, где ты нынче, наша славная, громадная, непотопляемая, наша родная зеленоостровская баржа?

ДЕБАРКАДЕР

Дебаркадер на Зеленом острове всегда было видно издалека. Сначала на фоне золотой песчаной косы появлялось темное пятнышко, потом становились различимы контуры домика на воде, с дымком из трубы, а уж после, когда баржа или «омик» подходили поближе, можно было рассмотреть даже узоры на занавесочках – два окошка в любую погоду смотрели на воду, будто бы ожидая гостей.

Обычно пассажиров приветствовал веселый коренастый шкипер, в грубом, с высоким горлом свитере и бескозырке. Звали его, если я не ошибаюсь, Алексей. Перед тем как принять трап, он обязательно делал раздольный, пригласительный жест рукой и провозглашал: «Вас приветствует Зеленый остров!» А когда пребывал в особенно хорошем настроении, добавлял еще несколько восклицаний. Видя, например, спиннингистов, широко разводил в стороны руки и улыбался: «Да здравствуют шуки и судаки!» Поборников же тихой охоты встречал лукавой поговорочкой: «По грибы не час, и по ягоды нет, так хоть по сосновым шишкам!»

Да как же я мог забыть! Еще он звонил в маленький медный колокол, который речники называют гремком. Такой гремок имелся на каждом дебаркадере, перекочевывал туда с палуб больших пароходов. На гремке зеленоостровского дебаркадера отчетливо виднелись большие буквы: СПАРТАК. И, приближаясь к Зеленому, пассажиры привычно прислушивались: оповестит ли об их прибытии и в этот раз знакомый гремочек? Оповещал исправно.

Чего только не было на дебаркадере! Две-три вязанки дров, рукомойник, обрывки сетей и, собственно, специальные крючки, чтобы сети эти вязать, верши, лодочные стлани, вялящаяся на солнышке со рога, весла, якоря разной тяжести и формы, багры, несколько трапов, конечно, спасательные круги, шесты для промера глубин... Даже будка с собакой. Собаку, как сейчас помню, звали Титан.

Внутри дебаркадера довелось мне побывать лишь однажды. В яростную летнюю грозу шкипера укрыли

нас с отцом, зарыбачившихся, от дождя и молний. В углу комнатухи, среди тряпок, рваных одеял, поломанных бамбуковых удилец и всякого хлама я заметил что-то вроде потрескавшегося стеклянного цилиндра. Вспышка молнии так и отразилась в помутневшем от времени стекле. Оказалось, это часть старинного бакена. И Алексей, наливая чай в жестяные кружки из прокопченного чайника, рассказал о том, как он был, еще в молодости, бакенщиком. Но об этом разговор отдельный.

Островная жизнь кипела вокруг дебаркадера. Приплывали и уплывали лодки, причаливали пароходики, собирались завсегдатаи острова. Все знали друг друга по именам или, в крайнем случае, островным прозвищам. Шкипер Алексей, перевозчик дядя Гриша (кто ж из коренных саратовцев не помнит его?), лодочник Вениамин Петрович, островитянин Цыган, капитан дальнего плавания Прохоров, билетерша тетя Люда – добрейшая синеглазая женщина с тихим голосом. «Теть Люд, здарсьте! Два взрослых и один детский!» – выпаливал я, запыхавшись, и, прежде чем убежал с бирюзовыми билетиками к родителям, неизменно слышал: «Вот, Ванечка, держи, рада тебя видеть».

Пишу и сам удивляюсь: государство не экономило на маленьких, скажем так, должностях. Ну сами подумайте, кто сегодня стал бы держать на острове человека, продающего билеты? Разорительно, сказали бы. Но, может быть, все-таки есть на свете вещи, которые не измеряются деньгами? И утрата именно таких ценностей – ценностей без цены – к чему ведет она, чем оборачивается?

Настала весна, когда «омик» причалил не к дебаркадеру, а к чугунному, холодному, какому-то дикуватому и совершенно безжизненному пирсу. Не прозвенел над Волгой меднобокий гремок, никто не поприветствовал пассажиров шутками-прибаутками. А от билетного киоска остался только проржавевший за зиму остов, который долго еще напоминал всем о синеглазой доброй женщине с тихим голосом.

Иногда он снится мне, зеленоостровский дебаркадер. Я вновь приближаюсь к нему откуда-то издалека, различаю надпись: «ЗЕЛЕНый ОСТРОВ», узнаю знакомые силуэты шкиперов, осторожно ступаю по узенькому трапу, огибаю кнехты и оказываюсь внутри водяной избушки.

И слушаю рассказ настоящего волжского бакенщика.

РАССКАЗ СТАРОГО БАКЕНЩИКА

Зеленый остров-то не таким был. Он ведь большой, лесистый. А косы какие! Вон там и там, где теперь только вода, деревья коренились. А там избушка моя стояла. Давно на дне она оказалась... И русло петляло по-другому. Оно как бы раздваивалось, разбивалось об остров. На стрежне ни на каком якоре не устоять – снесет! Вода быстро в Волге бежала, не то что теперь – болото! Да, так вот бакенщики всегда искали суводь – место на реке потише, где течняк не бурлит или где течение вообще обратно идет, чтобы бакены-то не уносило.

Вот ты про фонарь спросил. А сколько маялись мы с фонарями этими! Мы называли их створными

знаками. Внутри стеклянной болванки керосиновая лампа горела. И нужно было лампу заправлять, следить, чтоб огонь не потух. И в бурю выплывали, и в штгиль. Стекла фонаря чистили, чтоб огонь, значит, издалека рулевым примелькивался. На чем к бакенам подплывали? Да ясно – на веслах, не на моторах же! Тогда, в конце сороковых, никто и не слышал о них, о лодках-то моторных.

Жили мы сезонно – в скривищах или землянках, отвечая за свой участок реки. В навигационный ход спрос строгий! У меня в первую же мою путевую неделю такая вот, по неопытности, несподручность вышла. Бакен я зажег, стекла прочистил, а вот проверить кошку забыл. Кошка – это такой тяжкий груз, за счет которого бакен-то и держался на месте. Ну вот, только до берега доплыл, гляжу – уж далеко он, огонек-то мой, вниз по течению влекомый. Река ночная хоть и тихая, а струистая. Что делать? Снова на весла – и за ним, беглецом. Догнал-таки!

А еще плоты много неудобств доставляли. Вот представь: идет он по течению, широченный плот, а хуже того – кошма, ну, или несколько плотов вместе, а река-то в иных местах не шире. И приходится снимать бакены, пока не пройдут плоты. Иного выхода нет. Иначе ни одного бакена не останется. Поминай как звали. Легко сказать – снять бакен! А его, родимого, еще и в обратную ставить нужно. Опять крепи перекладыны, устанавливай вешки, топи груз, зажигай огонь...

Зато вечером, сплавив дела, хорошо-то как похлебать у костра стерляжью уху. Пробовал? А для бакенщиков это привычная еда была летом. И знаешь, стерляди много в Волге кувырвалось. Ловили же мы ее на специальные стерляжьи крючки, самодельные, длинные, очень острые и прочные. Привяжешь к бакену балберочку – значит снасть особенную, с крючками стерляжьими, безо всякой наживки. Стерлядка крючками блестящими в прозрачной воде играет, и, глядишь, одна-две и зацепятся. Бакен, он как вроде кормильцем был всегда, как родным вроде...

Стеклышки фонарные красили в красный и зеленый цвета. Были еще белые и черные. Каждый цвет свой собственный судоходный смысл имел, то русло обозначая, то границу глыби и мели. Ведь и по сию пору бакены-то по цвету разнятся! Хотя теперь что – сами зажигаются, сами гаснут. На автомате. А я вот все ж таки группу по крестовинам, вешкам, стерляжьим крючкам, что теперь безо всякой пользы, потому как перевелась в Волге стерлядь, по разной нашей бакенной оснастке. И храню вот ее у себя зачем-то...

Бакенщиков теперь не стало. Славное, почитаемое на реке было дело. Из рода в род передаваемое. И дед мой, и прадед ставили и берегли бакены. Еще в ту пору, когда остров не Зеленым, а Беклемишевским назывался...

БЕКЛЕМИШЕВСКИЙ ОСТРОВ

Вот тогда-то впервые я и услышал это название – Беклемишевский остров. И сразу же оно показалось мне удивительно созвучным окружающему меня островному миру. Слышалось, как шумят в нем ветра, шепчутся о чем-то своем могучие дубы, скрываются поддубники и скрипят грузди, шелестит волжский песочек и перекачивается разноцветная галечка. Беклемишевский остров – это важные бакланы и отча-

янные чайки-хохотушки, от пронзительного смеха которых бросает в дрожь; это кучевые августовские облака и пожарные октябрьские листопады. Это запах воды и древнего ила и стонное пение – знающие оценят! – всегда незримых лягушек-жерлянок. Щука ли ударит пятнистым хвостом на самой середине Щучьего озера, златобокий ли язь в протоке у Старого моста заставит биться сильнее рыбацкое сердце, сом ли великан поднимется июньской ночью из бездонного омута, чтобы разбить своим плеском лунную дорожку, – во всем этом угадывал я безошибочно зеленоостровские приметы.

И лишь много лет спустя я узнал, что название любимого острова восходит к славной старинной фамилии Беклемишев, фамилии, неразрывно связанной с историей Саратовского края, с исторической судьбой нашего города.

Имя Василия Пахомовича Беклемишева, коменданта Саратова, правившего в 1722–1727, 1737–1744 годах, хорошо известно нашим историкам и краеведам. В беклемишевские времена население города росло, пополняясь за счет купеческого сословия. Торговля процветала тогда на шумном волжском левобережье, куда приходили торговать калмыки и прочий степной народ. Было в городе несколько церквей, имелись канцелярия и магистрат. Впрочем, большая часть Саратова сгорела в чудовищном пожаре, начавшемся в ночь на 8 июля 1738 года.

Но другой огонь, веселый и одновременно тревожный, озарял ночную Волгу 21 июля 1722 года, когда на Соколовой горе и Зеленом острове приказал Беклемишев разложить костры в честь прибытия Государя – самого Петра I. Пылали всюю смоляные бочки, ровно горели поленья, вспыхивала, озаряя густую летнюю ночь, солома. По преданию, царю пришелся по душе такой необычный прием, и он даровал Василию Пахомовичу «для забав и охот» Зеленый остров, который в народе с тех пор долго еще называли Беклемишевским. Причем Государь плыл вдоль острова на струте – плоскодонном парусно-гребном судне со съемной мачтой. И прямо оттуда, с воды, увидел впервые саратовский берег. А уж потом, наутро, осмотрел «строитель чудотворный» саратовскую пристань, побывал в Старом соборе и на Соколовой горе, откуда вновь любовался волжским пейзажем.

О том, сколь живописен был Зеленый – Беклемишевский – остров в далекие времена, не в 17-м, конечно, но хотя бы в позапрошлом веке, можно судить по фрагменту замечательной в своем роде повести Корнелия Тхоржевского «Неохотники на охоте». Корнелий Владиславович Тхоржевский (1858–1896), русский офицер, герой Русско-турецкой войны 1877–1879 годов, родился в Саратове и через всю свою жизнь, полную трагических событий, пронес любовь к родной природе, к Волге. Светом этой любви озарены его книги, очерки и воспоминания. В «Неохотниках на охоте» Тхоржевский рассказывает о том, как отправился он в свободный от военных учений летний вечерок вместе с друзьями-офицерами порыбачить и поохотиться на один из волжских островов. По некоторым особенностям ландшафта и по расположению относительно города легко узнать в этом острове Беклемишевский. Вот как взволнованно и проникновенно пишет Тхоржевский:

«Что за прелесть стоять на перелете в тихий, те-

плый вечер! Я наслаждался. Да и как было не наслаждаться?! Кругом тишина: ветер не шелохнет, не дунет камыш, точно окаменелый, распустив свои мечевые бразные листья, стоит неподвижно; озеро – гладкое светлое – отражает в себе и берега, и небо... Солнце уже закатилось, но ярко-пурпурная заря еще озаряет местность хорошо, придавая всем предметам розовато-фиолетовый оттенок; небо светло и ясно, и самая нежная бирюза... Воздух так чист и прозрачен, что видно вдаль на огромные пространства: видна цепь потемневших уже гор; виден, точно вырезанный из картона, чей-то домик, прилепившийся на самом хребте, видны гиганты осокори на том берегу... Тихо, тихо... Так тихо, что... каждый всплеск рыбы, каждый самонадеянный звук заставляют вздрагивать... Без всякой надобности, совсем непроизвольно начинаешь задерживать дыхание, боишься малейшим движением нарушить эту чарующую тишину...».

Однажды мы заночевали прямо на песчаном берегу острова, под открытым небом. Дело было в середине лета, повсюду – и справа, и слева – дымились рыбацкие костерки, отражаясь в ночной воде. Время от времени позвякивали колокольчики на донках рыбаков, рыбаки переговаривались тихо, будто и впрямь боясь спугнуть тишину. Угомонились уже беспокойные моторки, уткнулись носами в берег плоскодонки, замерцали у причалов зелеными огоньками – огоньками покоя – «омики», устало вздохнув, заснули до завтрашнего утра трудяги-«утюги». И вправду «тихо, тихо...» Неожиданно я услышал странный звук, доносящийся откуда-то с фарватера. Усиливающийся нарастающий плеск. Точно бы много весел одновременно погружались в воду и отталкивались от нее силой, чтобы вновь погрузиться. Потом звук стихал и постепенно сошел на нет. Тогда мы с отцом переглянулись, не сказали ни слова, но подумали, конечно, об одном и том же. И до сих пор я думаю иногда, что летней той ночью вновь подходил к Беклемишевскому острову струт Петра I.

ЛОДКИ И ВЕСЛА

Всю свою жизнь я плавал на лодках. По запутанным водным тропкам караманских протоков, по синему пунктиру березовских разливов, невольно – не прогresti! – поднимал веслами широкие листья сазаньковских кувшинок, чертил узор лодочного следа по озерцам и озерам. И лодки бывали разные. Нестойкие продолговатые «березки», особенно ловкие в узких местах, где, кажется, проплыть невозможно; уверенные в себе «кефали», устойчивые, быстрые, надежные, хотя и сваливающиеся почему-то при долгой гребле на левую сторону; кургузые «ерши», не любящие лишних движений, зато легкие и неприхотливые...

Я всегда, как и незабвенный Юрий Коваль, мечтал о «самой легкой лодке в мире». И все-таки настоящим лодочником – в подлинном, волжском, зеленоостровском, если угодно, смысле этого слова – я никогда не был. А вот лично посчастливилось мне знать таковых.

Представьте картину: тихое июльское утро, волжский залив, посреди которого, на урезе водной травы, примостилась рыбацкая лодочка. И появившаяся из-за поворота моторная лодка резко сбрасывает скорость, чтобы не нарушать тишины и не мешать ры-

баку. Согласен, трудно представить. Сегодня трудно. Лихо рассекающие протоки океанские катера управляются чаще всего людьми со стеклянными глазами, не видящими и не желающими видеть вокруг ничего, кроме своей очередной дорожкой игрушки. Они и не слышали никогда ни про какую береговую культуру, им даже невдомек, что огромные волны выбрасывают на берег рыбью икру, что нарушается хрупкое равновесие... «Рыбы живут в хрустальных чертогах», – писал С.Т. Аксаков. Но о каком равновесии и о каких «хрустальных чертогах» я говорю, если электроудочка, одно из самых жестоких и циничных орудий убийства, именно убийства водных жителей, распространилась в нашей стране повсеместно. Электрический ток убивает душу воды и душу человека вместе с ней.

Мне же довелось видеть лодочников, вообще переходящих на весельный ход при въезде в заливчики или протоки. Врожденный волжский интеллект срабатывал, воспитанием и самой рекой дарованный. Такие люди и теперь остались, жаль только, что редки они стали уж очень. И вот вспоминается мне прежде всего дядя Гриша – главный, пожалуй, самый авторитетный и уважаемый лодочник Зеленого острова. Перевоз ведь всегда имел для островитян особое значение, даже в ту пору, когда «омики» и баржи ходили исправно. На барже ведь что – на барже только до дебаркадера доберешься. А огороды, к примеру, у многих притуливались к самым дальним уголкам острова, куда без лодки – никак. И тут приходил на помощь дядя Гриша. Идеально зная систему островных протоков, озер, заливов, он и в любую погоду доставлял нуждающихся точно по островному адресу. Причем если большинство перевозчиков брало за такую дополнительную работу 15 копеек, то дядя Гриша – только 10. Никто не спрашивал почему. Так было заведено испокон, и все!

Дядя Гриша был фигурой колоритной, почти мифологической. В свое время он прошел войну и вернулся домой без руки. Обычно, особенно ранней весной, когда еще зябкие утренники, черемуховые холода, набрасывал он на плечи темную куртку, и странно было видеть, как пустой рукав ее шевелится на ветру. Однако же с лодкой управлялся он удивительно легко, лодка его слушалась, как если бы была приручена.

Немногословен был дядя Гриша, но шутку-прибаутку отпустить мог, мог, скажем, притвориться, что забыл дорогу, особенно если видел, что среди пассажиров есть новички. Мог и ругнуться к месту, а вот грязной, бессмысленной брани от настоящих речников я никогда не слышал. Они умели и умеют говорить просто, но емко и образно.

Как-то ближе к августу дядя Гриша вышел на дебаркадер, чтобы поймать парочку судаков на уху. Взял самодельный спиннинг, забросил в синюю воду самодельную блесну, легкую, латунную, очень похожую по движению на живую рыбку, и замер в ожидании. Какой-то залетный рыболов с разноцветными импортными телескопами (тогда еще в новинку!), желая показать свои познания в рыбацком деле, не удержался и дал совет: «Вы леску-то на катушку наматывайте, это же не донка!» Ответ дяди Гриши мне запомнился на всю жизнь: «Ты наматывай что хочешь на что хочешь. А я-то на молчание ловлю». Понимаете, «на молчание», то есть тихонечко, едва покачивая спин-

нингом. Надо ли говорить, что через каких-нибудь пару минут зеленоватый судак упруго скакал по брусковатому дебаркадерскому настилу...

Другого лодочника, ставшего для меня старшим товарищем по рыбалке, звали Вениамин Петрович. До глубины души заводской человек, он всю свою сноровку, весь свой опыт вкладывал в лодку. С некоторых пор, выйдя, как я понимаю, на пенсию, он и жить стал прямо на Зеленом острове – рядом с любимой лодкой. Приедешь, бывало, на базу «Нефтяник», директором которой стал тогда Юрий Иванович Сидоренко, талантливый редактор и писатель, обаятельнейший, искренний человек, радушно привечавший в своих владениях коллег по писательскому цеху, а Вениамин уж возится с мотором: руки перепачканы мазутом, из кармана торчит обрывок ветоши... Раз Вениамин Петрович на месте, работает – значит порядок!

Славное было время. Начинался июнь. Остро и даже пьяняще пахло дубовым листом, последним появляющимся на свет по весне. Соловьи просто надрывались в кустах ивняка и цепкого боярышника. Лягушки старались не отставать и устраивали свои собственные, лягушачьи концерты. «Теперь все на уху!» – кричит Сидоренко из своего домика на воде, и обитатели базы подтягиваются на ароматный дымок. Тут и Вениамин Петрович с женой, добрейшей и интеллигентнейшей женщиной, и Виталий – истинный волгарь и умелец, каких не сыскать (дом на воде – его работа!), и Олег Максимович Лукьянов, замечательный писатель-фантаст, один из самых начитанных и образованных людей, каких только мне доводилось видеть, и Николай Павлович Рыжков, друг Валентина Берестова, и мы с отцом. И разговор сразу же заходит о лодках: где просмолить, где подкрасить, из чего смастерить новые слани, какой болтик вылетел из мотора, как починить треснувшее весло...

Вениамин Петрович мог часами рассказывать о лодках и веслах, вспоминать истории и интересные случаи из волжской жизни.

Но больше всего нравилось мне смотреть на руки Вениамина Петровича – загрубелые, натруженные постоянной работой руки, знающие истинную поэзию дела. Вот он подходит к мотору, кажушемуся до поры неживым, застывшим, и что-то вдруг начинает вертеться, вращаться, стрекотать, и становится ясно, что у мотора тоже есть норов, он тоже неповторим по-своему, а значит, и уникален. Был такой поэт когда-то давно – Василий Казин, рабочий поэт, зорко заметивший «обрезки голубого цинка» в весенних лужах. Вениамин Петрович, думалось мне всегда, своеобразный персонаж казинских стихотворений, который наделен даром чувствовать истинную поэзию повседневной работы.

У времени – работа своя. Поднималось солнце, и опускалось солнце. Зеленели листья, и облетали листья. Приходила вода по весне и убывала по осени. И коренное племя зеленоостровских лодочников убывало с каждым годом. Сначала не стало дяди Гриши, не пережившего одну из суровых зим середины восьмидесятых, не дождавшегося праздника перевозчиков и всех речников – половодья. Его темная куртка не мелькала больше на фоне цветущей черемухи.

Потом сложились для вечного покоя руки Вениамина Петровича. И лодка Вениамина тоже сложила весла, как руки.

Мне запомнилось, как его жена (слово «вдова» тут как-то не вяжется) все плакала, все повторяла: «Венечка умер...». И в ее изменившемся, каком-то чужом, неузнаваемом голосе слышалась боль утраты, нашей общей утраты, ведь потеря таких людей невосполнима, а пустота страшна. И моросил над островом дождик, и капли-слезы текли по стеклам съжившихся от ненастья домиков. «Венечка умер... Венечка... Венечка...».

РАНЫ ЗЕЛЕНОГО ОСТРОВА

Запустение начиналось давно. Поначалу оно обретало форму бездумно брошенной на песок пустой сигаретной пачки, оставленной второпях консервной банки, безобидного на первый взгляд бумажного сора. Оно угрожающе поблескивало из-под кустов битым бутылочным стеклом. Оно приходило незванным гостем в брошенные домики и печально торжествовало на покинутых участках. В середине девяностых зеленоостровские пляжи опустели, там, где вот только еще кипела островная жизнь, где волжская коса в жаркий июльский день пестрела сотнями отдыхающих, теперь лишь гулял ветер да шелестел песочек. Пустынно, нелюдимо стало на волжском берегу с исчезновением дебаркадера, некого было позвать, не с кем заговорить, не от кого услышать веселую речную байку.

Помню, поздней осенью, в девяносто втором, кажется, перебрался я на остров на моторной лодке («омики» уже не бегали резво по речной глади), долго бродил по нему, какому-то осиротевшему, одинокому, и, когда уже шел обратно к перевозу, наткнулся на стаю одичавших собак. Тревога, обида и недоверие светились в их глазах нехорошим светом. Когда они подобрались совсем близко, вожак стаи остановился как вкопанный и посмотрел мне прямо в глаза. Мне показалось, что он очень похож на Титана, того самого доброго пса Титана с дебаркадера, которого я не раз когда-то трепал по загривку. Вожак помедлил-помедлил, будто бы вспоминая что-то давно забытое, настолько давно, что и не было, кажется, ничего, а все-таки было. Потом резко развернулся и увел за собой всю стаю...

И вот я думаю сегодня: постепенно жизнь худеет бедно, но входит в свои берега, смягчается. Теперешний ландшафт ближе все-таки к обустроенности, нежели к разрухе Апокалипсиса. До нас постепенно, но все же доходит смысл знаменитой фразы доктора Преображенского, и мы начинаем понимать, что разруха начинается не в клозетах, а в головах. Однако у реки мы привыкли только брать, ничего не отдавая взамен. Волга, она вроде бы как и не наша, хотя волжская вода наполовину с кровью течет в наших жилах. Мы, волжане, отдалены от реки – в том числе и просто физически. И в том числе поэтому все никак не можем научиться ценить и беречь то, что дано нам природой. К величайшему сожалению, волжский берег и по сей день напоминает у нас порой место боевых действий или картину постиндустриального коллапса. Не так давно мне довелось услышать нечаянный вопрос десятилетнего ребенка, по-детски наивный и удивительно глубокий. «Мама, – спросил мальчик, глядя на Волгу, отгороженную от людей колючей проволокой, – а река что, в тюрьме?».

Как тут опустить «ладони в Волгу», если река в

большинстве мест города и впрямь как заключенная? ...В середине восьмидесятых мой отец написал стихотворение «Зеленый остров». Собственно, мы вместе с отцом в шутку сочиняли его, возвращаясь в Саратов с Зеленого на неторопливой барже после долгого летнего дня. Хочу поделиться несколькими его строками с читателями.

И открывается сезон
Грибной, рыбацкий и купальный.
За полчаса доставит «ОМ»
На волжский остров – путь недалек.
Кому сморчки, кому леги,
Кому озерная сорога.
А хочешь – ландыши ищи.
Найдем. На острове их много.
Запалим жаркие костры,
Не пожалеем бросить в пламя
Рулоны содранной коры
С живых деревьев – топорами...
Оставим битое стекло
Пескам на память, сор яичный,
Тальник в ожогах... Повезло –
Сегодня отдых был отличный...
В садках – избыточный улов,
В руках – цветы (как преступленье).
Зеленый остров, будь здоров,
До будущего воскресенья.
...Январь. Пустынно. Остров сед.
Земные раны снег скрывает.
И только чей-то лыжный след
Глубоким шрамом пролегает.

Раны земли, раны воды, раны души – делимы ли они?

СЕРДЦЕ

Только однажды посчастливилось мне побывать на Зеленом – Беклемишевском – острове зимой. Именно посчастливилось. После метелей да лютых морозов с нестерпимым на воле северным ветром установилась ясная, солнечная погода. И вот в составе довольно-таки большого отряда рыбаков-зимников и шкиперов я пересекал заснеженную Волгу на лыжах. Надо сказать, что обычно зимний волжский пейзаж не особенно-то приветлив, скорее, просто суров и понятен неулыбчивой своей красотой лишь привычному взгляду. Но в то январское утро, искрящееся и сияющее и опадающее легким инеем, в звонком морозном воздухе так и носилось ощущение праздника. Мы шли и, я уверен, все до единого, все по-своему – надеялись на чудо.

Белоснежное волжское плато преобразилось, заиграло под веселыми лучами, лыжня звала и звала вперед. А впереди ждал и манил нас Зеленый остров – зимний!

Далеко же мы забрались тогда, до самой Бочки донесли нас лыжи. Бочкой островитяне и все знающие рыбацкое дело называют отмель посреди глубоких, бездонных даже волжских мест. К бочке всегда выходят из глубин на охоту баснословно крупные окуни, а за окунями приходят люди с пешнями и ледобурами. Кто хоть раз побывал на зимней рыбалке, всегда будет стремиться на нее вновь.

Торопливо отбрасываю валенком пушистый снег,

расчищаю, стало быть, место для будущей лунки – маленького иллюминатора-окошечка в беззвучный подводный мир. Если заглянешь туда – глаз не оторвешь. Галечка катится по дну, зеленая прядь донной травы извивается на течении. А вот и тень грозной рыбыны метнулась в сторону.

Мормышка утекает в луночку, и ты чувствуешь, что связан с великой тягой реки, с ее душой и сердцем – от самого рождения. И река одаривает отчаянно любящих ее сыновей горбатыми красноперыми окунями...

А потом мы все так же, на лыжах, идем назад, уставшие, впечатленные, полные зимнего света. И души наши светлы. И солнце, кажется, тоже катится бежит с горочки, опираясь на невесомые свои лучи. Оно быстрее нас, и начинает смеркаться.

Пройдя залив, делаем передышку. Прямо под столетними дубами. Сейчас мы в самом центре Зеленого, как раз между главной протокой и крайним мысом.

– А здесь, – показывает мне на едва уже заметную просинь в снегу старый рыбак по прозвищу Генерал-

майор, – здесь бьется сердце острова. Положи руку и прислушайся...

Он никогда не был генералом и даже майором, он прошел всю войну рядовым, а о победе узнал в госпитале, очнувшись в июне сорок пятого после тяжелого ранения.

– Чуешь, стучит, бьется? Это ключ вроде подземный. А все же на сердце очень походит.

Я отбрасываю в сторону рукавицу, опускаю ладонь на обмятый, просевший снежок. «Тут-тук-тук...» – передается моей руке едва уловимый пульсар.

Давно уже нет на свете Генерал-майора, не стало и моего отца, с которым прошли мы Зеленый остров вдоль и поперек.

Но когда мне трудно, или обидно, или тяжело, или, наоборот, когда очень-очень радуюсь чему-то, я снова и снова ощущаю тот глубокий, тот жизненный ритм. Нагрянет весна, тронутся льды, взломанные жаворонковыми трелями, засинеет щедрое половодье, и настанет время вернуться на Зеленый, Беклемишевский, любимый остров.

